

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 40, Is. 2, pp. 532-539, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Reviews

UDC 94

Book Review on: Igor Y. Froyanov. Lectures on Russian History. Kievan Rus. St. Petersburg, Russkaya Kolleksiya. 2015. 1048 p.

Victor S. Brachev^{a, *}, Matvey F. Polynov^a

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The authors focused their attention on the published in 2015 first part of the lecture course on the history of Kievan Rus by professor in history of Russia I.Y. Froyanov. As a historian he is known primarily for his concept of pre-class origin and the veche, popular assembly system of the Ancient Russian state (East Slavic tribal Union in the late X–XI centuries). As it is shown in lectures by I.Y. Froyanov, the existence of an early feudal monarchy in Russia in the IX–X centuries is completely out of the question in spite of the majority of Russian historians opinion. According to the scientist, the mainstream development or the development scheme of Old Russian statehood is the Eastern Slavic Union of the X–XI century (Kievan Rus) and followed volosts (city–states in Ancient Rus). The lectures by I.Y. Froyanov are based on that statement. In this respect it is difficult to overestimate their importance. There is hardly a scientific work from all has been written by I.Y. Froyanov, where his concept found such detailed and reasoned statement.

Keywords: Kievan Rus, Ancient Rus, city–states in Ancient Rus, the concept of I.Y. Froyanov, feudal relations in ancient Russia.

Одним из наиболее серьёзных достижений советской исторической науки в 1970–1980-е годы стала разработка профессором Ленинградского университета И.Я. Фрояновым общинно-вечевой концепции истории Киевской Руси IX–XIII веков. Правда, встречена она была представителями тогдашней официальной марксистской исторической науки (академики Л.В. Черепнин, Б.Д. Рыбаков, член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и др.) в штыки.

Но помогла горбачевская перестройка и вместо ожидаемого, и казалось бы, неминуемого отлучения от науки И.Я. Фроянов не только продолжил свою научно–педагогическую деятельность, но и сумел сформировать в стенах Ленинградского университета на основе своей концепции собственную научную школу.

Всеобщего признания среди специалистов по истории Древней Руси она пока, правда, не получила. Но позиции свои за прошедшие с того времени годы, несомненно, укрепила. Так только в Санкт–Петербургском университете сегодня работают такие известные ученики И.Я. Фроянова как профессора А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев, А.В. Майоров, И.Б. Михайлова, А.В. Петров.

Широко представлена школа И.Я. Фроянова и в ряде периферийных университетских научных центров нашей страны: С.И. Маловичко (Москва), Т.В. Беликова (Ставрополь), С.С. Пашин (Тюмень), В.В. Пузанов, Д.А. Котляров, Н.В. Халявин (Ижевск), И.В. Минин (Сыктывкар), Д.М. Котышев (Челябинск), А.Н.Поляков (Оренбург), С.А. Никонов (Мурманск). Особого внимания в этой связи заслуживает Ижевск, где усилиями проф. Пузанова сформировалась целая когорта историков–приверженцев концепции И.Я. Фроянова (Мягков, 2008: 372–380). Как и в былые годы завидной творческой активностью отличается и глава школы – сам И.Я. Фроянов, опубликовавший в 2014 году

* Corresponding author

E-mail addresses: v.brachev@spbu.ru (V.S. Brachev), m.polynov@spbu.ru (M.F. Polynov)

первую часть читаемого им в Санкт-Петербургском университете лекционного курса по русской истории, посвященную Киевской Руси.

Издание это интересно для нас вдвойне. Во-первых, тем, что текст его принадлежит перу крупнейшего специалиста по Древней Руси, имеющего свой собственный взгляд на её историю. А во-вторых – своей, можно сказать, уникальностью. Дело в том, что последняя и, кстати сказать, единственная публикация университетского курса по истории Киевской Руси (лекции А.Е. Преснякова), была осуществлена в нашей стране в далёком 1938 году (Пресняков, 1938).

Начинает свой лекционный курс И.Я. с предварительных замечаний, в центре которых вопрос о своеобразии русского исторического процесса. «Данное своеобразие, – отмечает он, – возникло, разумеется, не сразу, а в процессе длительного времени, длительной исторической выучки, в основе которой лежал постоянный фактор – многовековое давление. В процессе этого давления и формировался характер русского человека, общества и государства. То было внешнее давление – природное и людское, этническое» (Фроянов, 2015: 4).

Природное давление – это, конечно же, суровые природно-климатические условия, в которых приходилось трудиться русскому мужику. Рассчитывать в этих условиях на эффективность единоличного, индивидуального крестьянского труда не приходилось. Отсюда, по И.Я. Фроянову, та громадная роль, которую играла в русской истории поземельная крестьянская община с характерным для неё духом взаимовыручки и коллективизма.

Что касается людского, этнического давления, то оно было связано, главным образом с особым геополитическим положением Руси между Европой и Азией. «На русских веками накатывали волны вражеских нашествий, то с Юга, то с Запада, то с Востока. Нередко эти нашествия ставили вопрос – быть или не быть славянскому этносу, Руси, России» (Фроянов, 2015: 4). Необходимость многовековой обороны, создания и удержания протяженного геополитического пространства обусловили особую роль государства в общественной жизни, и её так сказать, огосударствление, когда государство пронизывает буквально все сферы общества.

Поскольку, на протяжении столетий русские люди находились в ожидании очередной войны со своими воинственными соседями, следует иметь в виду, что в средневековой Руси сложились не договорные, не правовые, как на Западе, а служебные отношения (Фроянов, 2015: 7–8). Высшим воплощением идеи государственности на Руси был, по И.Я. Фроянову, самодержавный православный царь, который служит Богу и призван блюсти Правду, стоять на страже добра и справедливости и иметь попечение о подданных (Фроянов, 2015: 15). Характерная особенность русского самодержавства, резко отличающая его от абсолютистских монархий Западной Европы – сложившаяся в процессе его становления своеобразная симфония светской и церковной властей. Продолжалась эта эпоха классического российского «самодержавства» по И.Я. Фроянову, недолго (XVI–XVII века) до церковной реформы и отмены патриаршества Петром I в 1721 году, после чего государство начинает быстро эволюционировать в сторону абсолютизма западного типа принявшего форму дворянской империи (Фроянов, 2015: 17).

В отличие от других империй, Российская, уверен И.Я., представляла собой компактное государство с относительно однородной системой власти. Понятие митрополии и колонии к ней не применимы. Чувство национальной исключительности всегда было чуждо русскому народу. Российская империя – уникальная форма бытия, не только русского, но и других народов России. «Россия, – пишет он, – не может и существовать в ином качестве, чем имперская держава. Она и сейчас продолжает быть империей, несмотря на искусственно отпавшие окраины. Дальнейший её распад будет означать конечную гибель исторической России, что повлечет за собой непредсказуемые последствия для её народов. Как нынешних, так и недавних, находящихся, так сказать, в свободном плавании» (Фроянов, 2015: 11).

Сам курс И.Я., или вернее, опубликованная первая часть его состоит из десяти лекций: «Древнейшие сведения о славянах. Восточные славяне VI–IX вв. Хозяйство, культура, социальная организация. Соседи восточных славян (Лекция 1); На путях к русской государственности (Лекция 2); От Олега до Святослава (Лекция 3); Эпоха Владимира (Лекция 4); Экономическое, социальное и политическое развитие Руси XI – начало XIII вв. (Лекция 5); Киевская волость XI–начало XIII вв. (Лекция 6); Великий Новгород XI – начало XIII вв. (Лекция 7); Ростово-Суздальская земля XI – начало XIII вв. (Лекция 8); Смоленская и Полоцкая земли-волости XI–начало XIII вв. (Лекция 9); Волынь и Галицкая земля в Древней Руси (Лекция 10).

Едва ли не основной вопрос содержания первых лекций И.Я. – время и обстоятельства формирования древнерусской государственности. У советских историков, исходивших из грековской концепции истории Древней Руси, как раннефеодального государства, с этим, как говорится, всё было просто. Образование феодального государства на Руси утверждал в начале 1970-х годов, признанный тогда авторитет в этой области академик Л.В. Черепнин, произошло в конце IX века (Черепнин, 1972: 145).

Недалеко ушли от него и авторы современного учебника (2010 год) для студентов-историков высших учебных заведений под руководством члена-корреспондента РАН Б.Н. Флори. Правда, «завершение формирования государства Русь» (автор соответствующего раздела проф. А.А. Горский) они относят уже к концу X столетия, но, как и у их предшественников – советских историков формируется это государство всё же, на «раннефеодальной», то есть классовой основе (История, 2010: 45).

И.Я. Фроянов же, исходя из своей теории о возможности доклассового формирования государства и его институтов, опирающейся, о чём уже шла речь, на достижения, как исторической (А.И. Неусыхин, А.Я. Гуревич), так и этнографической (Л.Е. Куббель и др.) науки, подходит к этой проблеме совсем с другой стороны.

Прежде, чем рассуждать о государстве, говорит он, следовало бы сначала определить его основные признаки. А их по И.Я. (здесь он ссылается на книгу Л.Е. Куббеля) (Куббель, 1988: 132) три: 1) наличие публичной власти; 2) налоги, являющиеся материальным обеспечением публичной власти; 3) размещение населения не по родственному, а по территориальному принципу. Сначала, похоже, завязывается публичная власть, а с ней, мало по малу, налаживается и система платежей на её содержание. Третий признак – размещение населения на соседских, территориальных началах – поздний и появляется последним. О полностью сложившемся, до конца сформировавшемся государстве можно говорить лишь тогда, когда все признаки имеются налицо. Но на историческую выработку всей совокупности признаков, подчеркивает И.Я., требуется время, исчисляемое не одной сотней лет. В нем заключена эпоха генезиса государства или, как это сейчас принято говорить, политогенеза; «у восточных славян она длилась не менее четырех столетий – с VI–X вв. включительно (Фроянов, 2015: 87–88).

Конкретное воплощение эти процессы нашли, показывает далее И.Я., в практике племенных союзов. Довольно простой организацией, отмечает И.Я., являлся союз родственных племён, складывавшийся по мере естественного роста населения, когда отдельное племя, состоявшее из нескольких родов, увеличиваясь количественно, сегментировалось на ряд племен, образующих племенную общность. Летописные поляне, древяне, дреговичи, словене, полочане – это и есть союзы родственных племён, то есть первичные союзы. Управление ими осуществлялось из племенных центров, где находились племенные власти – князья со своими дружинами и старейшины (старцы градские). Там же собиралось и общеплеменное собрание – вече, являвшееся верховным органом власти племенного союза (Фроянов, 2015: 88).

Парная семья, перерастающая в большую семью, род, племя, племенной союз – вот основные звенья социальной организации восточного славянства VIII–IX вв., по И.Я. Фроянову (Фроянов, 2015: 7).

Союзы родственных племён VIII–X вв. вполне укладываются, по мнению И.Я., в рамки родоплеменных отношений. Совсем другое дело – пришедшие им на смену межплеменные объединения вторичных союзов племён, соединивших как родственные, так и не родственные племенные группы, для функционирования которых требовалась уже и публичная власть и материальные средства для её содержания (Фроянов, 2015: 91).

Как раз, именно такого рода, крупные межплеменные союзы и складываются в IX в. в полянском Среднем Поднепровье и на словенском Северо-Западе. Огромную роль в их образовании, отмечает ученый, сыграло внешнее давление, повлекшее за собой настоятельную необходимость консолидации племён: в первом случае перед лицом хазарской угрозы, во втором – варяжских дружин с их конунгами (Фроянов, 2015: 94–95).

Споры, которые идут в современной исторической науке, относительно того, где всё-таки раньше возникла русская государственность – на Юге или на Севере, с точки зрения И.Я., не имеет большого смысла. «Повторяю, – говорит он, – мы имеем два отдельных очага русской государственности – в Среднем Поднепровье и в Поволховье. В рассматриваемое время государство в обоих регионах ещё не сложилось, поскольку отсутствовал его третий признак – размещение населения по территориальному принципу» (Фроянов, 2015: 102–103).

Мощный импульс государствообразующим процессом на Восточно-Европейской равнине дало во второй половине IX–X вв., так называемое призвание варягов в лице легендарного Рюрика с его братьями и дружиной.

Княжеская власть, становившаяся мало-помалу публичной, существовала в словенском обществе, – отмечает И.Я., – и до варягов. Но их приход, несомненно, дал новый толчок развитию публичности властным функциям князя, а стало быть – развитию Восточнославянского государства. На самом деле, – отмечает И.Я., – нам не так уж и важно доподлинно знать, откуда Рюрик был родом и какой этнической принадлежности, – Из Скандинавии или Южной Прибалтики, норманн (Клейн, 2009: 226) он или славянин (Сахаров, 2010: 109–111), о чем, уже много веков спорят наши историки.

Куда более существенно здесь, совсем другое: «Рюрик и всё его сопровождение должны были либо слиться с местным обществом, составив с ним единое целое, либо быть им отторгнутым и низвергнутым. Рюрик вместе со своими людьми избрал первое, поддавшись славянской ассимиляции. Недаром уже третий потомок Рюрика носил славянское имя Святослав. В общем, перед нами обычный эпизод из военно-политической истории древних народов, чрезмерно обросший ученой и околоченой литературой по причинам не столько научным, сколько бытовым, нравственным и политическим» (Фроянов, 2015: 139).

Уже в XVIII в., – отмечает И.Я., – споры между норманистами и их противниками являлись «в определённом смысле спором патриотов и антипатриотов, хотя в последнем случае провести четкую «демаркационную» линию между этими группами не представляется возможным» (Фроянов, 2015: 128). Что касается нашего времени, то для него, – отмечает И.Я., – характерно «превращение норманнской теории из национальной (русской) в интернациональную.

Что касается преемника легендарного Рюрика – князя Олега, то благодаря его удачному походу в 882 году на Киев, был запущен, – отмечает И.Я., – механизм объединения под его властью всего Восточного славянства в «единый всеобщий межплеменной союз, покрывший Восточно-Европейскую равнину» (Фроянов, 2015: 143).

Но говорить об образовании при Олеге «единого древнерусского государства в Киеве» (правильнее, быть может было бы сказать, Всевосточнославянского межплеменного союза) по И.Я. Фроянову, ещё рано, так как это «отнюдь не одновременный акт или момент, а длительный процесс, растянувшийся на целое столетие с конца IX по конец X века» (Фроянов, 2015: 147).

Тем не менее, в отличие от ряда своих предшественников – Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 2014: 201), Л.Н. Гумилёв (Гумилев, 1989: 191), которые склонны были недооценивать Олега, как полководца и государственного деятеля, И.Я. Фроянов держится в этом вопросе прямо противоположного мнения.

«Князь Олег, – пишет он, – прославленный Нестером – летописцем и воспетый Пушкиным, но недостаточно оценённый нынешними историками, принадлежит к числу самых выдающихся деятелей русской истории, занимая в ней одно из самых почетных мест. То был первый в нашей истории правитель, вышедший за областные пределы и приобретший общерусское значение» (Фроянов, 2015: 156).

Связав свою судьбу с Киевом, с днепровской столицей Олег незамедлительно приступил к расширению сферы её влияния в восточнославянском мире, определив направление деятельности последующих киевских князей: Игоря, Святослава и Владимира». «Следовательно, – заключает ученый, – политика Олега являлась политикой исторической перспективы – черта, отличающая великого властителя от посредственности на престоле (Фроянов, 2015: 167)».

Преемник Олега – князь Игорь явно проигрывал как правитель по сравнению со своим предшественником и своей бездарной, – по заключению И.Я., – политикой, не только ослабил «межплеменные союзные узы славян восточной Европы», но и возбудил у ряда племён вражду и ненависть к себе (Фроянов, 2015: 172).

Довольно прохладно, вопреки традиционной точки зрения (Карпов, 2009: 6), оценивает И.Я. и правление «первой христианки» из правящей династии княгини Ольги, хотя и отмечает «стимулирующую роль её политики в становлении русской государственности» (Фроянов, 2015: 174).

Совсем другое дело – Святослав (964–972), в котором и опять–таки, вопреки, распространённой точки зрения на него, как князя–воина (Королев, 2011: 183-184) и идущей ещё со времён С.М.Соловьева общей недооценке его, как правителя (Соловьев, 1988: 161), И.Я. Фроянову удалось разглядеть ещё и «по–настоящему реального политика», человека с государственным мышлением, явно опережавшим своё время. Как внешняя, так и внутренняя политика Святослава Игоревича была связана, делает вывод И.Я. с тем что «князь был устремлён в будущее, а «кияне», опутанные традиционными обычаями и нравами тянули его назад. Это противоречие могло разрешиться лишь одним – гибелью Святослава» (Фроянов, 2015: 189).

Историческая заслуга Святослава перед Россией состоит, по мнению И.Я., в том, что «он первым из её властителей пытался осуществить на практике русскую имперскую идею. Потерпев неудачу, Святослав завещал эту идею потомкам. И дело его, как показала история, не пропало даром» (Фроянов, 2015: 189). Коснувшись, в связи с этим, нелестной оценки, которую даёт Святославу, как государственному деятелю Л.Н. Гумилёв («Если бы Святослав восторжествовал, он превратил бы Киев в базу разбойничьих набегов») (Гумилев, 1991: 49), И.Я. замечает, что она глубоко не справедлива и далека от исторической действительности.

«Князь Святослав, – говорит он, – по моему глубокому убеждению, входит в первую когорту выдающихся деятелей русской истории. С гибелью Святослава, заканчивает свой рассказ о его княжении И.Я., «завершается период внешней экспансии Руси, начатой князем Олегом. Замирают попытки создания Русской империи, конкурирующей с Ромейской империей. Русь вступает в стадию внутреннего сосредоточения...» (Фроянов, 2015: 193).

С большим интересом воспринимается в свете концепции И.Я. Фроянова текст его лекции, посвящённой эпохе Владимира Святославича: династическая борьба этого времени, языческая реформа князя, время и обстоятельства крещения Руси, формирование древнерусской народности и «окончательное», как подчеркивает учёный (Фроянов, 2015: 260), «образование» или «сложение» в начале XI века Древнерусского государства.

И дело тут не только в появлении в это время третьего и последнего, по И.Я. Фроянову, признака государства – территориальное размещение населения (Фроянов, 2015: 260), но ещё и в глубоких переменах, охвативших все стороны общества: экономическую, социальную, политическую, религиозную и т.п., что позволило И.Я. охарактеризовать его, как «переломное» (Фроянов, 2015: 261).

Важное место в лекциях И.Я. Фроянова принадлежит его общему обзору (лекция 5) экономического, социального и политического развития Руси XI – начало XIII вв., что позволило ему избежать практически неизбежного в противном случае повторения этих сюжетов при изложении им истории её отдельных волостей.

Сегодня, отмечает здесь И.Я., уже никто не сомневается, что основу экономики Руси этого времени составляло сельское хозяйство, ведущую роль в котором играло земледелие. Отметив достижения в этом плане историков и археологов, И.Я. Фроянов останавливается далее на состоянии

ремесленного производства и торговли в древнерусских землях, устанавливает социальную природу древнерусской вотчины, определяя её как сложную, основанную на несвободном и полусвободном труде, характеризует основные категории, как зависимого, так и свободного населения, а так же положение и общественную роль боярства на Руси XI–XIII вв. (Фроянов, 2015: 300–301).

Привлекают внимание и соображения И.Я. о том, что вопреки мнению Б.Д. Грекова и других историков (М.Б. Свердлов, Я.Н. Щапов), что господствующей формой семейной организации в XI–XII вв. на Руси была всё же не малая, индивидуальная семья, а семья большая, вместе с семьёй неразделённой. Что касается маленьких семей, то они получили преимущественное распространение у бояр, князей, ремесленного и торгового люда, а также среди отдельных категорий зависимого населения (холопы и смерды) (Фроянов, 2015: 287).

Завершается лекция анализом И.Я. роли, которую играли в жизни Руси XI – начала XIII вв. князь и вече. Вече в Древней Руси, говорит И.Я., мы встречаем повсюду. Причина тому – единообразие хозяйственного, социально-экономического и социально-политического строя Руси XI–XIII вв. (Фроянов, 2015: 357). Подлинными хозяевами на вече были народные массы.

Что касается князя, то по мере постепенного развития древнерусского общества его функции непрерывно расширялись. «И всё же, – говорит И.Я., – князь в Киевской Руси не стал подлинным государем, монархом наподобие тогдашних королей Западной Европы. Этому препятствовала самостоятельность народных общин <...> Я бы даже назвал князя в определённом смысле общинным чиновником, олицетворяющим преимущественно высшую исполнительную власть» (Фроянов, 2015: 293).

Разумеется, И.Я. Фроянов не отрицает того бесспорного факта, что уже изначально княжеская власть содержала в себе и монархические свойства, но они находились, подчёркивает он, пока в латентном, скрытом качестве. В Древней Руси подходящих условий для их раскрытия не было (Фроянов, 2015: 294).

Едва киевские князья успели завершить во второй половине X века дело формирования Восточнославянского межплеменного союза (Киевская Русь), как ясно обозначились, замечает И.Я., признаки его грядущего распада. Впрочем, признаёт он, никакого единого государства под таким названием в реальности никогда не было, ни до, ни после эпохи Ярослава Мудрого, ни тем более, в самую эту эпоху. «Имел место лоскутный восточнославянский межплеменной союз во главе с Киевом, в котором поляне, древляне, радимичи, вятичи, словене и прочие племена жили согласно своим законам, обычаям и преданиям отцов <...>. Ко времени Ярослава данный союз стал достоянием прошлого. Вместо него на всём пространстве восточнославянского мира шёл <...> процесс образования общинно–территориальных городских волостей – городов-государств, изначально взявших курс на независимость и суверенитет» (Фроянов, 2015: 396).

Современные историки (Котляр, 1998: 443) причины распада древнерусского государства склонны объяснять «слишком далеко зашедшей феодализацией страны и рождёнными ею местным сепаратизмом и боярским эгоизмом». И.Я. решительно не согласен с этим. Дело тут, по его мнению, совсем в другом – разложении родоплеменного строя и переходе общества от кровнородственных отношений к отношениям соседским, территориальным. «Объединения родственных племён (поляне, словене, кривичи и пр.) уступали место союзам общин (кияне, новгородцы, смольняне и пр.), образующих земли-волости, состоящие из главного (старейшего) города, подвластных ему пригородов и прилегающих к тому и другим сельским территориям. Как правило города, бывшие ранее племенными центрами, эволюционировали в волостные центры» (Фроянов, 2015: 757).

Нет оснований, – ещё раз предупреждает И.Я., – выдавать города-государства на Руси XI–XIII вв., как это, по старой, ещё с советских времён идущей привычке, делают наши историки (Кобрин, 2000: 65), за некие средневековые монархии или государственные образования феодального характера. Перед нами, подчёркивает он, «республики, вышедшие из недр славяно–русской общинной цивилизации, причём республики отнюдь не аристократические (боярские), а народные. Они поднялись на обломках архаической формации вследствие перехода восточнославянского общества от родоплеменных связей к территориально–общинным отношениям, возникающим на доклассовой основе» (Фроянов, 2015: 369).

Первой в ряду этих городов-государств идёт в лекционном курсе И.Я. Киевская волость X – начала XIII вв. (лекция 6). Собственно, сам Киев, отмечает И.Я., только условно можно рассматривать как столицу восточнославянского суперсоюза, существовавшего с конца IX по конец X – начало XI вв. В XII веке, когда Русь уже состояла из полутора десятков отдельных самостоятельных земель и волостей, он такой роли уже не играл, хотя и удерживал за собой роль сакрализованного, по определению И.Я., первородства, запечатлённого формулой «мати городов русских» и актуального на протяжении всего периода русской истории до татаро-монгольского нашествия. Кроме того, он являлся историческим средоточием Руси, носителем общественных традиций, цивилизационных достижений и воплощением старины, столь ценимой нашими предками. В этом плане Киев для других городов Руси служил эталоном, желанным образцом. Именно здесь заключён, прежде всего, секрет его неувядаемости и привлекательности для современников (Фроянов, 2015: 618).

Со смертью в 993 году в Киеве Всеволода Ярославича завершилась, по И.Я. Фроянову, эпоха Ярослава Мудрого и установленный им политический порядок стал рассыпаться буквально на глазах. Остановить этот процесс, оказалось не под силу даже такому крупному политику, как Владимир

Всеволодович Мономах (1113–1125), реформы которого И.Я. оценивает необычайно высоко, а самого князя ставит «в ряд выдающихся законотворцев, известных мировой истории» (Фроянов, 2015: 442).

В основе лекции И.Я. о Великом Новгороде его предшествующая монография «Мятежный Новгород» 1992 года, о которой у нас уже шла речь. Изгнание в 1136 году новгородцами князя Всеволода Мстиславича ликвидировало в основном остатки власти Киева над Новгородом. Перестав быть креатурой киевских правителей, новгородский князь, отмечает И.Я., становится местной властью, зависимой, прежде всего от веча. С этого времени отпадает необходимость «вскармливания» и пожизненного правления князей в Новгороде, что приводит к более частой их смене. Однако говорить о падении роли княжеской власти в Новгороде после 1136 года, не приходится (Фроянов, 2015: 537).

Оказавшись, в результате раздела между сыновьями Ярослава Мудрого, в руках Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха, Ростово-Суздальская земля в силу географического положения и притока населения как с юга, так и с северо-запада Руси (Новгород) переживала, в XII веке экономический подъём, чем, собственно, и воспользовался княживший здесь один из сыновей Владимира Мономаха Юрий Долгорукий (1125–1157), захвативший в 1155 году Киев и через два года там умерший. Что касается его преемника Андрея Юрьевича Боголюбского, то, как отмечает И.Я., приписывать ему решение неких задач «централизующего порядка», что было характерно для советской историографии (Воронин, 2007: 233-234, 235), у нас нет оснований. «Не стоит забывать, что источником “самовластия” (единовластия) этого князя была воля вечевых общин Ростова и Суздаля, озабоченных сохранением территориальной целостности Ростово-Суздальской волости и своего положения в ней» (Фроянов, 2015: 597).

Критически относится И.Я. и к изображению в ряде трудов наших историков Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176–1212) как простого продолжателя дела Андрея Боголюбского, трагическая смерть и яркие черты личности которого привели к тому, что в исторической литературе он выступает как деятель, заслонивший своего младшего брата. А между тем как политическая фигура Всеволод Юрьевич, показывает И.Я. Фроянов, стоит, несомненно, выше Андрея (Фроянов, 2015: 719).

Ожесточённые межобщинные и межкняжеские усобицы, развернувшиеся во второй половине XII века на Северо-Западе Руси (Полоцкая и Смоленская земли) привели, как показывает И.Я. Фроянов (лекция 9) (Фроянов, 2015: 752–892), что уже в XIV веке они стали сравнительно лёгкой добычей враждебной им Литвы.

По схожему сценарию развивались события и в Юго-Западной окраине Руси – Галицко-Волынской земле. Особое внимание И.Я. здесь привлекли трагические события, относящиеся к первым десятилетиям XIII века, связанные с княжением здесь такого выдающегося деятеля древнерусской истории, как Даниил Романович Галицкий. Его отец, Роман Мстиславич, отмечает И.Я., был талантливым государственным деятелем, и его неожиданная смерть в 1205 году стала большой потерей для Галицко-Волынского княжества: ведь его сыну и наследнику было всего 4 года. Вспыхнувшие в связи с этим усобицы привели к фактическому раздроблению Галицко-Волынской земли, и только к концу 1240-х гг. Даниилу Романовичу удалось подавить боярскую оппозицию и прочно утвердиться на княжеском столе.

Характерная особенность современной историографии Галицко-Волынской Руси – неумеренное восхваление могущества этой, второй после Киева «украинской державе» и её князей. На внутреннюю слабость «Галицко-Волынского королевства», а уж тем более на его глубокую провинциальность, о чем писал в своё время А.Е. Пресняков (Пресняков, 1999: 56), современные украинские историки, да и русские (Майоров, 2011) тоже, стараются, как правило, должного внимания не обращать. Лекция И.Я. Фроянова о Галицко-Волынской земле XI–XIII веков в этом плане, едва ли не счастливое исключение.

Обращение к событийному ряду в Галицко-Волынской земле первых десятилетий XIII века свидетельствует, делает принципиальный вывод И.Я. Фроянов, о начавшемся повороте Юго-Западной Руси в сторону Запада. Однако виновником этого поворота был не Даниил, как думает Д.М. Володихин (Володихин, 2013: 113), а галицкое боярство. «Движущей силой этого поворота, – отмечает он, – является, обладавшая огромными материальными и финансовыми ресурсами галицкая знать, которая потянула за собой определённую часть простых галичан, расколов местное общество и тем самым ослабив его. Татаро-монгольское нашествие здесь имело вторичное значение, будучи как бы катализатором, ускорившим уже идущий процесс» (Фроянов, 2015: 1038).

Трагедия Даниила Галицкого, считает И.Я., была в том, что он так и не сумел, несмотря на все свои старания, искоренить западнические настроения галицко-волынских бояр и их клиентулы и, в конечном счёте, «вынужден был пойти на сближение с Западом, приняв королевскую корону и совершив церковную унию» (Фроянов, 2015: 1038–1039).

К сожалению, И.Я. Фроянов отказался от ссылок на источники и литературу, которые он использовал, что лишает читателя возможности непосредственного обращения к ним. Конечно же, для университетского курса это, быть может, и лишнее. Но с другой стороны есть опасение, что и как учебное пособие «Лекции» И.Я. Фроянова из-за своего большого объёма (свыше 1000 стр.) могут

отпугнуть значительную часть из тех, кому они, собственно, и адресованы – студентам и аспирантам исторических факультетов российских университетов.

С этой точки зрения нельзя не отметить и не всегда оправданное увлечение автора историографическими сюжетами. Споры нет: знать об историографической судьбе норманнской теории студентам, конечно же, надо, но целых 23 страницы, посвященные её изложению – это уже, чересчур. Не помешали бы, в качестве приложения к лекциям и хронологические таблицы к ним с датами важнейших событий истории Киевской Руси. Но всё это – частности.

Как уже отмечалось, опубликованные лекции И.Я. Фроянова – это только первая часть его университетского курса. Вторая часть (середина XIII – начало XVI вв.) ещё только готовится к печати. Но уже сейчас, при знакомстве только с первой её частью, видно, что «Лекциям» И.Я. Фроянова суждено стать крупным событием в исторической науке.

И по богатству исторического материала, и по тщательности и глубине его анализа, и по мастерству изложения они вполне могут быть поставлены в один ряд с лекциями таких выдающихся классиков русской историографии как В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, М.К. Любавский и А.Е. Пресняков.

Литература

- Володихин, 2013 – Володихин Д.М. Рюриковичи. М.: Молодая гвардия, 2013. 482 с.
 Воронин, 2007 – Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский. М.: Водолей-Publishes, 2007. 317 с.
 Гумилев, 1989 – Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Экспрос, Мысль, 1989. 764 с.
 Гумилев, 1992 – Гумилёв Л.Н. От Руси до России. СПб.: Юна, 1992. 268 с.
 История, 2010 – История России с древнейших времен до конца 18 в. Под редакцией член-корр. РАН Б.Н. Флори. М.: Изд-во МГУ, 2010. 544 с.
 Клейн, 2009 – Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 395 с.
 Кобрин, 2000 – Кобрин В.Г. Удельный период // История России с древнейших времён до 1861 года. Под ред. Н.И.
 Карпов, 2009 – Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009. 376 с.
 Королев, 2011 – Королёв А.С. Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011. 351 с.
 Котляр, 1998 – Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетейя, 1998. 443 с.
 Куббель, 1988 – Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 276 с.
 Майоров, 2011 – Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII веков. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 798 с.
 Мягков, 2008 – Мягков Г.П. «Школа профессора И.Я. Фроянова в Удмуртии»: диалектика формирования регионального научного сообщества // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск. Изд-во «Удмуртский университет», 2008. С. 372-380.
 Пресняков, 1938 – Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т 1. Киевская Русь. М.: Соцэк, 1938. VI, 282 с.
 Пресняков, 1999 – Пресняков А.Е. Упадок Киева и исторический путь Украины // Родина. 1999. №8. С. 53-57.
 Рыбаков, 2014 – Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Академический проект, 2014. 622 с.
 Сахаров, 2010 – Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьба российской государственности // Изгнание норманнов из русской истории. М.: НП ИД, «Русская панорама», 2010. С. 109-111.
 Соловьёв, 1988 – Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т.1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.
 Фроянов, 2015 – Фроянов И.Я. Лекция по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.
 Черепнин, 1972 – Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. С. 126-187.

References

- Volodikhin, 2013 – Volodikhin D.M. Rurikovichich [Rurik]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2013. 482 p. (In Russian)
 Voronin, 2007 – Voronin N.N. Andrei Bogolyubskii [Andrey Bogolyubsky]. Moscow, Vodolei-Publishes, 2007. 317 p. (In Russian)
 Gumilev, 1989 – Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step' [Ancient Rus and the Great Steppe]. Moscow, Ekopros, Mysl', 1989. 764 p. (In Russian)
 Gumilev, 1992 – Gumilev L. N. Ot Rusi do Rossii [From Rus to Russia]. St. Petersburg, Yuna, 1992. 268 p. (In Russian)
 Istoriya, 2010 – Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa 18 v. [History of Russia from ancient times to the late 18th century]. Pod redaktsiei chlena-korr. RAN B.N. Flori. Moscow, Izd-vo MGU, 2010. 544 p. (In Russian)
 Klein, 2009 – Klein L.S. Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [Dispute about the Vikings. The background and arguments of the parties]. St. Petersburg, Evraziya, 2009. 395 p. (In Russian)

- Kobrin, 2000** – *Kobrin V.G.* Udel'nyi period [The udel period]. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1861 goda [History of Russia from ancient times to 1861]. Pod red. N.I. Pavlenko. Izd. 2-e. Moscow, Vysshaya shkola, 2000. pp. 61-93. (In Russian)
- Karpov, 2009** – *Karpov A.Yu.* Knyaginya Ol'ga [Princess Olga]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2009. 376 p. (In Russian)
- Korolev, 2011** – *Korolev A.S.* Svyatoslav. Moscow, Molodaya gvardiya, 2011. 351 p. (In Russian)
- Kotlyar, 1998** – *Kotlyar N.F.* Drevnerusskaya gosudarstvennost' [The Old Russian statehood]. St. Petersburg, Aleteiya, 1998. 443 p. (In Russian)
- Kubbel, 1988** – *Kubbel L.E.* Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii [Essays on the potestarian political ethnography]. Moscow, Nauka, 1988. 276 p. (In Russian)
- Maiorov, 2011** – *Maiorov A.V.* Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa. Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazei XII-XIII vekov [Byzantium and Western Europe. From the history of foreign policy and cultural relations XII-XIII centuries]. St. Petersburg, «Dmitrii Bulanin», 2011. 798 p. (In Russian)
- Myagkov, 2008** – *Myagkov G.P.* «Shkola professora I.Ya. Froyanova v Udmurtii»: dialektika formirovaniya regional'nogo nauchnogo soobshchestva [The school by professor I.Y. Froyanov in Udmurtia: the dialectic of formation of the regional scientific community]. Rossiya i Udmurtiya: istoriya i sovremennost' [Russia and Udmurtia]. Izhevsk. Izd-vo «Udmurtskii universitet», 2008. pp. 372-380. (In Russian)
- Presnyakov, 1938** – *Presnyakov A.E.* Lektsii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. Vol. 1. Kievskaya Rus' [Kievan Rus]. Moscow, Sotsek, 1938. VI, 282 p. (In Russian)
- Presnyakov, 1999** – *Presnyakov A.E.* Upadok Kieva i istoricheskii put' Ukrainy [The decline and historical path of Ukraine]. Rodina [Homeland]. 1999. Nr. 8. pp. 53-57. (In Russian)
- Rybakov, 2014** – *Rybakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva KhII – KhIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities XII – XIII centuries]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2014. 622 p.
- Sakharov, 2010** – *Sakharov A.N.* Ryurik, varyagi i sud'ba rossiiskoi gosudarstvennosti [Rurik, the Vikings and the fate of Russian statehood]. Izgnanie normannov iz russkoi istorii [The expulsion of the Normans from Russian history]. Moscow, NP ID, «Russkaya panorama», 2010. pp. 109-111. (In Russian)
- Soloviev, 1988** – *Soloviev S.M.* Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia From Ancient Times]. Vol.1-2. Moscow, Mysl', 1988. 797 p. (In Russian)
- Froyanov, 2015** – *Froyanov I.Y.* Lektsiya po russkoi istorii. Kievskaya Rus' [Lectures on Russian History. Kievan Rus]. St. Petersburg, Russkaya kolleksiya, 2015. 1048 p. (In Russian)
- Cherepnin, 1972** – *Cherepnin L.V.* Rus'. Spornye voprosy feodal'noi zemel'noi sobstvennosti v IX–XV vv. [Rus. Controversial issues of feudal land ownership in the IX-XV centuries]. Puti razvitiya feodalizma [The ways of development of feudalism]. Moscow, Nauka, 1972. pp. 126-187. (In Russian)

УДК 94

Рецензия на: Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: «Русская коллекция». 2015. 1048 с.

Виктор Степанович Брачев^{а, *}, Матвей Федорович Полюнов^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В центре внимания авторов опубликованная в 2015 г. первая часть лекционного курса по русской истории профессора Санкт-Петербургского университета И.Я. Фроянова, посвящённая истории Киевской Руси. Как историк он известен, прежде всего, своей концепцией доклассового происхождения и общинно-вечевого строя Древнерусского государства (Восточнославянский межплеменной союз конца X–XI вв.). Вопреки мнению большинства отечественных историков ни о какой «раннефеодальной монархии» на Руси в IX–X вв., как показывает в «Лекциях» И.Я. Фроянов, не может быть и речи. Восточнославянский межплеменной союз X–XI вв. (Киевская Русь) с идущими ему на смену самостоятельными землями-волостями (городами-государствами Древней Руси) – вот, по мнению учёного, магистральный путь или схема развития древнерусской государственности. Ее и положил И.Я. Фроянов в основу своих «Лекций». Значение их в этом плане трудно переоценить: из всего написанного И.Я. Фрояновым по истории Киевской Руси, вряд ли найдётся работа, где бы его концепция нашла такое подробное и аргументированное изложение

Ключевые слова: Киевская Русь, Древняя Русь, города-государства Древней Руси, концепция И.Я. Фроянова, феодальные отношения в Древней Руси.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.brachev@spbu.ru (В.С. Брачев), m.polynov@spbu.ru (М.Ф. Полюнов)